

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 91–100
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72):91–100

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 316.4(470.57)

doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-91-100

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Виктор Николаевич Антошкин

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

Vicant21@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4318-1871>

Аннотация. В статье раскрывается взаимосвязь процессов социальной динамики на уровне макро-социума и процессов социальной мобильности личности и социальных групп. Предложена классификация видов социальной мобильности. Обоснована необходимость разработки на уровне российского государства и регионов социальных механизмов и технологий интенсификации социальной мобильности и прогрессивной социальной динамики. Приводятся результаты региональных социологических исследований.

Ключевые слова: социальная динамика, социальные изменения, социальная мобильность, социотипы, экономическая и профессионально-трудовая мобильность, безработица, трудовой ресурс

Для цитирования: Антошкин В. Н. Социальная динамика и социальная мобильность в современном обществе: региональные исследования // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 91–100. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-91-100>.

REGIONAL ECONOMY

Research article

SOCIAL DYNAMICS AND SOCIAL MOBILITY IN MODERN SOCIETY: REGIONAL STUDIES

Viktor N. Antoshkin

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, Vicant21@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-4318-1871>

Abstract. This article explores the relationship between social dynamics at the macro-society level and the social mobility of individuals and social groups. A classification of types of social mobility is proposed. The need to develop social mechanisms and technologies for enhancing social mobility and progressive social dynamics at the national and regional levels is substantiated. The results of regional sociological studies are presented.

Keywords: social dynamics, social change, social mobility, sociotypes, economic and professional-labor mobility, unemployment, labor force

For citation: Antoshkin V. N. Social dynamics and social mobility in modern society: regional studies. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;3(72):91–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-91-100>.

Актуальность исследования проблемы социальной динамики обусловлена прежде всего тем обстоятельством, что современная Россия является маломобильным обществом. Так, в территориальном и профессиональном разрезе значительная часть российского населения стремится переехать не просто в города-миллионники, но прежде всего в Москву, рассматривая такую миграцию как единственное средство обеспечения богатой и успешной жизни. Есть и совокупность российских граждан, которые ориентируются на иностранные государства, в первую очередь европейские. Оба варианта представляют модель вертикальной восходящей социальной мобильности. В стране слабо развиты горизонтальные структуры коммуникации и социальных связей, явно недостаточно используется потенциал горизонтальной социальной мобильности. Данное положение усугубляется тем, что в условиях геополитической борьбы и вызовов, государственная элита выбрала курс на суверенитет, самоизоляцию и импортозамещение. В итоге к концу третьего десятилетия XXI в. сложилась парадоксальная ситуация, когда российское общество стало более закрытым, в сравнении с советским обществом 1970–1980 х гг. Россиянам стало сложнее «выбиться вверх» — доля людей, которым удалось перейти в более высокую доходную группу, в 2022 году упала до минимума за 20 лет [1]. В определенной мере индекс социальной мобильности уменьшился в сравнении с позднесоветскими временами, когда партийная элита руководила процессом организованной социальной мобильности, что позволяло несколько снизить дефицит трудовых ресурсов в разных регионах СССР.

В статье использованы результаты социологического исследования жителей Республики Башкортостан ($n = 1000$, 2023), а также опрос студентов Уфимского университета науки и технологий ($n = 334$, 2024). Данные опросы проведены социологами Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук под руководством Ф. С. Файзуллина.

Социальную динамику автор данной статьи интерпретирует как социальные изменения

на уровне общества в целом, его социальных институтов и социальной структуры. Социальная мобильность понимается как изменение социального статуса личности или общности. Поскольку высшие уровни общества влияют на средние и низшие уровни, то очевидной становится взаимосвязь понятий «социальная динамика» и «социальная мобильность».

Понятие «социальная динамика» соотносится с понятием «социальные процессы». Социальная динамика и социальные изменения представляют собой содержательную сторону социальных процессов, выраженную в количественных и качественных показателях. В любом социальном процессе можно выявить те или иные социальные изменения, значит, анализ социальных процессов подразумевает и анализ происходящей социальной динамики. В динамике социальных процессов общества можно выделить объективные процессы, которые определяются направлением вектора мирового цивилизационного процесса. Здесь можно отметить конвергенцию, интернационализацию, глобализацию, взаимоприспособление и взаимозависимость социально дивергентных систем на основе развития устойчивых связей и отношений между ними. Кроме того, существует естественное стремление обществ к саморазвитию, самосовершенствованию. Радикальные преобразования в России 1990-х гг. привели к ликвидации структур социальной жизни, которые характеризовали общество закрытого типа и переходу к формированию общества гибких, динамичных структур и множественных социальных связей.

Социальная динамика может носить прогрессивный либо регрессивный характер. Следовательно, направленность социальной динамики оказывает непосредственное воздействие на процессы социальной мобильности личности, социальных групп, организаций, регионов. Однако несмотря на то, что личность и отдельные общности в целом находятся в подчиненном положении по отношению к государству, обществу в целом, они способны оказывать обратное влияние на социально-динамические процессы. Целый ряд философско-социологических концепций и парадигм отражают диалектическую взаимосвязь социальной динамики на уровнях макро- и микросоциума.

В психолого-эволюционистских концепциях (Л. Уорд) социальная динамика основана на сознательной деятельности людей, а основной фактор общественного развития — государство как фактор интернационального единства. Другой представитель этого направления — Ф. Гиддингс разделял класс личностей, жизненные классы и социальные классы. Жизненные классы он понимал как социальные подструктуры, образующиеся на основе врожденных задатков и способностей людей, которые выступают одной из движущих сил социальных перемещений. Кроме того, Ф. Гиддингс в качестве фактора социальной динамики выделяет коллективное сознание (сознание рода или общества в целом) во взаимодействии с объективно-физическими силами природной и социальной среды [2, с. 66–81].

М. Крозье раскрывал процесс социальных перемен такими терминами как «повторение», «чередование», «циклы стабильности и трансформации в более или менее замкнутых системах». Р. Мертон ввел понятие дисфункций и восстановление функционального равновесия в результате социальных передвижений. Американский социолог У. Мур разработал концепцию, представляющую социальные изменения как изменения социальных структур — моделей социального действия и социальной интеграции. Последствия этих изменений проявляются в нормах, ценностях, культурных элементах, символах [2, с. 174–183].

У. Огборн разработал теорию отставания культуры и идеологии от экономики. Эта теория частично подтвердилась в России в 1990-е гг., когда страна довольно быстро провела рыночные радикальные реформы, но при этом население во многом осталось приверженным традиционным ценностям и менталитету дорыночного общества. В дальнейшем это стало причиной формирования механизма торможения реформ и переходу к контрреформам 2000-х гг.

Концепция действия в динамической социологии А. Турена называет основное противоречие постиндустриального общества Запада — отношения между технократами и профессионалами. Под технократами А. Турен понимает современный господствующий класс, контролирующий институты власти и управления, ре-

гулирующий социальные передвижения, под профессионалами — научно-техническую интеллигенцию. Рабочий класс, вопреки учению марксизма, занимает нейтральную позицию в социальной динамике [3, с. 290].

П. Блау в системе стратификации выделил две устойчивые категории людей и две неустойчивые. Последние делятся на продвигающихся вверх и продвигающихся вниз. Он обнаружил, что имеющие устойчиво высокие и низкие статусы в большей степени интегрированы в свое сообщество и находятся в безопасности, две другие находятся в пограничном положении. Как видим, маргинальность также выступает фактором социальной мобильности. К тому же продвигающиеся вверх больше всего беспокоятся о своем статусе. Восходящая мобильность заставляет индивидов принимать даже большие обязательства, то есть приспосабливаться к ценностям и нормам более высокого уровня, чем требуется в повседневной жизни того слоя, куда они вошли.

Связь между социальным неравенством и социальной мобильностью обнаружена в социологии давно. Экономист М. Корак (2013) обосновал: чем выше уровень социального неравенства в обществе, тем теснее связь между доходами родителей и детей. Иными словами, снижение индекса социального неравенства увеличивает межпоколенческую мобильность.

Скрытая структура общества представлена социотипами и интертипными отношениями. Причем уровень анализа может быть связан со сложными социотипами или с элементарными типами, которые являются своеобразными кирпичиками обобщенных социальных категорий людей. В частности, на уровне анализа элементарных типов рациональные социотипы «представляют базу стабильности в любом обществе, так как тяготеют к дисциплине и порядку, плохо себя чувствуют в обстановке хаоса и неуправляемости. Иррационалы же, наоборот, быстро увлекаются, склонны к переменам взглядов и занятий, но надолго их интереса не хватает» [4, с. 36]. Вторая важная шкала — эволюция/инволюция. Социотипы-эволюторы склонны к плавному и постепенному, а инволюторы — к скачкообразному разви-

тию и отличаются большей стрессоустойчивостью к социальным переменам [5, с. 32–33]. Также экстраверт, в отличие от интроверта, в социуме отличается расширительной, экспансивной тенденцией, имеет большее влияние на социальное развитие. Интроверту же грозит замыкание в собственных пределах, нечувствительность к новым веяниям [5, с. 33]. И, наконец, еще одна полярность — динамика/статика. «Динамики более сильны в начале какой-либо деятельности, а статики — в завершении. В процессе деятельности динамических социотипов происходит непрерывная корректировка направленности. Преобладание динамиков делает любую человеческую группу нестабильной, склонной к перманентным изменениям и очень чувствительной к посторонним вмешательствам. Группа с преобладанием статических социотипов более устойчива, но в тоже время и более консервативна» [6, с. 8–24]. Нетрудно заметить, что основными драйверами развития и мобильности выступают вполне определенные категории социальных типов личности. Так что основой для профессиональной дифференциации выступает социально-личностная и типологическая, а не половозрастная структура общества.

Основатель социоанализа — Виктор Гуленко — первым обосновал закон сменяемости профессиональных групп социотипов. Исторические факты показывают, что социальная динамика начинается с научного открытия (группа «Исследователи», ученые). Реализация открытия в технике — переход на стадию группы социотипов «Технократы» (производственники, военные). Технический переворот, промышленная революция (производительные силы) или войны порождают социальные изменения и социальные проблемы. Эстафета переходит к группе социотипов «Социалы», чье доминирование знаменует собой изменение социального строя. Социальные реформы, изменение социальных и производственных отношений создают условия для развития и воспитания личности. А это уже переход к господству группы «Гуманитарии». XX век подтверждает закон сменяемости профессиональных групп. В конце XIX – начале XX вв. — расцвет науки (эпоха ученых, сайентистов). Затем наступила эпоха технократов, производственников, управлен-

цев, мировых войн. Научные открытия были использованы для военных нужд. После Второй мировой войны произошло социальное переустройство мира: распад империй и колониальной системы, поражение фашизма, торжество демократии. Это специализация социально ориентированных типов. В конце века обострились нравственные, личностные, гуманитарные проблемы, на первый план вышла проблема толерантности, что знаменует переход центра тяжести на гуманитарные социальные типы [7, с. 36–37].

В XXI веке, особенно в первое десятилетие, также наблюдаются новейшие научные открытия и технологические новинки — развитие электронно-вычислительной техники, телекоммуникация, мобильная связь, интернет, искусственный интеллект. Если в 1990-х — начале 2000-х гг. в плане материального положения в России самой неблагополучной общностью была совокупность специалистов с техническим образованием, то сегодня ситуация изменилась. В современной России уже со второго десятилетия лидерство перешло к группе социотипов «Технократы», а в начале третьего десятилетия фиксируется рост востребованности инженерно-технических и рабочих специальностей с упором на военно-промышленный комплекс. В соответствии с законом сменяемости профессиональных групп социотипов изменяется и структура занятости. Однако, обратная сторона этого процесса — нарастание социальных проблем, решение которых ляжет на плечи социальных типов с социально-коммуникативной ориентацией («Социалы»). Следовательно, можно прогнозировать рост занятости в социальной и экологической сферах в следующем десятилетии XXI века. Наименее востребованной профессионально-образовательной группой на рынке труда являются специалисты-гуманитарии, но со временем их значимость снова будет возрастать по законам ритмической смены приоритетных профессиональных групп.

Классификацию видов социальной мобильности можно построить по сферам жизни общества. Чаще всего общество разделяют на политическую, экономическую, духовную сферы, а также социальную как сквозную, поскольку она представлена личностями и группами.

Современное общество усложняется, поэтому необходимо выделить другие сферы, которые обрели самостоятельность, в частности, интеллектуальную и информационную сферы. Поскольку личность все более автономизируется, то логичным становится выделение и личностной сферы. Таким образом, как минимум, есть смысл говорить о трех дополнительных видах социальной мобильности — личностной, интеллектуальной и информационной.

Виды социальной мобильности могут подразделяться на подвиды. Например, духовная мобильность структурируется на образовательную, научную, религиозную и культурную (под последней подразумевается мобильность в сфере искусства). Экономическая мобильность также неоднородна — можно выделить такие параметры как доходы, собственность, профессия, жилищные условия. Собственно, социальная мобильность может быть территориальной (миграция), демографической (социальные перемещения, связанные с признаками пола, возраста и семейного положения), региональной.

Следовательно, даже в первом приближении можно выделить достаточно разнообразный спектр видов мобильности. Исходя из принципа системности, выводы о социальной динамике общества и социальной мобильности отдельных людей и общностей можно делать только после анализа всех основных социальных изменений. В таком случае можно получить некий результирующий вектор социальных перемещений.

В Башкирии в 1990-х гг. и первом десятилетии XXI века была затруднена жилищная мобильность населения, которое не имело возможности заняться индивидуальной застройкой. Главным образом в городах республики возводилось элитное жилье. Жилищные условия улучшали только высокодоходные слои населения и привилегированные, приближенные к власти лица, которые получали бесплатное жилье за счет республиканского бюджета. И только со второго десятилетия начали работать программы строительства общедоступного жилья и ипотечного кредитования.

Удельный вес и значимость видов мобильности меняется с течением времени. Так, в период существования СССР одним из важней-

ших каналов социальной мобильности было образование. Соответственно, восходящая образовательная мобильность позволяла личности обрести более высокий и устойчивый социальный статус. В постсоветское время значимость образования снизилась в условиях рыночных реформ, которые востребовали предпринимательские качества людей, прямо не связанные с уровнем образования. В 2000-е гг. возродился процесс огосударствления и бюрократизации всех сфер жизни, что несколько подняло престиж высшего и среднеспециального образования. В то же время социологические исследования показали, «что среди россиян старше 45 лет признают ценность образования 81 % опрошенных, а среди тех, кому до 34 лет — лишь 69 %. Четкая отрицательная динамика за последние 20 лет. С 2005 года количество респондентов, считающих образование основной базовой ценностью, снизилось с 92 до 75 % [8]. Социологическое исследование в Республике Башкортостан в 2023 году обнаружило феномен большей ориентированности женщин в целом на высшее образование. Так, высшее образование как необходимый минимум для успешной жизни рассматривают 51 % женщин и всего лишь 39 % мужчин — респондентов региона.

В современной Российской Федерации на уровне государства не разработаны социальные технологии, которые позволяли бы наиболее образованным, предприимчивым, квалифицированным, трудолюбивым, добросовестным и творческим людям осуществлять восходящую социальную мобильность с переходом на более высокий социально-экономический статус. Молодые граждане Российской Федерации на жизненном опыте убеждаются, что успех в жизни мало зависит от уровня и качества образования. Объективно вес фактора образования ниже, чем роль семьи, социальных связей или личных качеств. «Вектор дифференцирующего кластера получил отражение в общественном сознании: большинство россиян убеждены, что ключевыми факторами продвижения в современном российском обществе являются наличие родственников, обладающих социальными, культурными или материальными ресурсами, наличие полезных связей, а также место жительства.» [9, с. 40].

Социологическое исследование, проведенное в Республике Башкортостан в 2023 году, выявило, что субъективные представления граждан не в полной мере соответствуют объективному положению на уровне общества и государства. Жители республики на первое место среди факторов социальной мобильности ставят личность, на второе место — фактор социальных отношений и социальной коммуникации, на третье — роль семьи, на четвертое — социальный потенциал типа поселения и последнее место в иерархическом ряду занимает система государственного управления. В реальности в современном российском обществе доминирует такой вид мобильности как государственно-политическая, когда именно правящая бюрократия во многом определяет не только динамику социума, но и социальные перемещения социальных групп и личности. Таким образом, обнаружено противоречие, которое потенциально может порождать социальную напряженность и конфликты, но одновременно может стать источником позитивных изменений в социальной структуре.

Среди обследованных социологами студентов Уфимского университета науки и технологий (2024 г.) 17 % изначально не намерены работать по выбранной специальности обучения, а нынешнюю профессию намерены сменить четверть респондентов, что свидетельствует об ошибках в выборе профессии. Причем, объясняя причины смены специальности, 21 % заявили, что у них поменялись интересы, а 16 % указали на то, что выбранная профессия не соответствует их задаткам и способностям. Результаты исследования подтверждают гипотезу о значимости не только социальных, но и субъективно-личностных факторов мобильности.

Специалист в области экономики М. Гордиенко обращает внимание на то, что трудовой ресурс не всегда превращается в производительные инвестиции. «Он не только дефицитен, но и специфично распределен. Официально безработица низкая, но это не значит, что все заняты эффективно, есть неполная занятость, низкопроизводительная самозанятость, региональные перекосы и разрыв между возможностями системы образования и потребностью промышленности» [10]. В последние годы в Российской Федерации растет скрытая без-

работица — перевод работников на неполную ставку или в неоплачиваемый отпуск, уменьшение нагрузки с пропорциональным сокращением зарплаты. В то же время отмечается низкий индекс профессиональной и территориальной мобильности. Социальная структура российского общества за почти четыре постсоветских десятилетия так и не пришла в соответствие с реалиями рыночной экономики. Не были сформированы институциональные и другие стимулы для смены профессии и миграции рабочей силы. Избыток лиц одних профессий и специальностей сочетается с недостатком квалифицированных кадров по другим. Российские регионы также подразделяются на трудоизбыточные и трудонедостаточные. Однако значительная масса российских работников находится в плену отживших социальных стереотипов и предрассудков, которые не позволяют им совершить миграцию в те области и районы страны, где есть множество вакансий рабочей силы. На уровне государства не созданы условия, которые могли бы стимулировать территориальную миграцию. Более того, многое делается для того, чтобы прикрепить людей к их изначальному месту жительства. Кроме того, государство не поощряет горизонтальные связи между регионами и предприятиями. До сих пор слабо развито межрегиональное железнодорожное и авиасообщение — на многие территории можно добраться только с пересадкой в Москве. В стране не получил развитие рынок доступного арендного жилья, что прямо создает препятствия для территориальной мобильности рабочей силы.

Современная профессионально-трудовая мобильность связана с развитием общества, с внедрением новых технологий, принципов организации труда и структуры занятости. Еще Д. Белл указал, что преимущественным направлением трудовой мобильности будет переход от промышленной экономики к сервисной, производящей особый вид товара — услуги. Далее О. Тоффлер прогнозировал развитие малых предприятий, малого семейного бизнеса и надомной работы («электронный коттедж») [11]. В современных развитых странах возрастает занятость в области программирования, дизайна, научных исследований

и экономического анализа, преодолевается былая пропасть между умственным и физическим трудом. Однако появление роботов, искусственного интеллекта, создание безлюдных технологий, автоматизации и компьютеризации производственных процессов имеет и обратную сторону — рост безработицы, социальных и семейных проблем. Поэтому в перспективных планах развития общества следует предусмотреть возможность быстрого переобучения новых безработных.

Социологические исследования, проведенные в Республике Башкортостан, показывают, что основная причина перемены места работы или увольнения с основного места работы — низкие доходы. Также остро стоит проблема трудоустройства для некоторых категорий населения. Только одна треть опрошенных считает, что полученная работа является достаточно статусной. Специфика региона проявляется и в социальной мобильности работников республики, которые работают вахтовым методом в ХМАО, ЯМАО и других регионах России в области добычи энергоресурсов. Здесь речь идет прежде всего о молодежи, главным образом, мужского пола из сельских районов. К сожалению, официальные органы не осуществляют процедуру достаточно полного учета такой категории социальных трудовых перемещений. По экспертным оценкам, доля населения республики, работающего вахтовым способом, составляет примерно 10 %, причем для большинства вахтовиков нет другой альтернативной формы занятости и резервного источника доходов. С другой стороны, данный вид миграционной мобильности связан с ростом экономического статуса специалистов. В целом работа вахтовым методом увеличивает индекс социальной динамики и социальных перемещений населения Башкирии. Помимо экономического капитала, полученные доходы инвестируются в образовательный и интеллектуальный капитал будущих поколений, которые могут получить на коммерческой основе престижное образование. Таким образом, создается новая цепочка социальной мобильности и осуществляется обмен человеческими ресурсами между регионами.

С одной стороны, в Российской Федерации наблюдается несоответствие спроса мо-

лодежи и предложений по размеру зарплаты на рынке труда, что порождает структурную безработицу и проблему трудоустройства. С другой стороны, структура занятости в последнее десятилетие стала в большей степени соответствовать профессиональным интересам, природным задаткам и способностям молодого поколения. Однако конкуренция на рынке труда порождает такую модель профессиональной мобильности, при которой внимание соискателя направлено на то, чтобы получить рабочее место с приемлемой зарплатой в ущерб личностному предназначению и специальности по диплому. К тому же отрасли экономики развиваются быстрее, чем система профессионального образования может отреагировать.

Оптимальная модель социальной мобильности предполагает прежде всего динамичное развитие социально-экономической сферы общества. Главным тормозом социальной мобильности выступает мировая бюрократия, следовательно, в перспективе необходимо центр тяжести принятия решений постепенно передавать гражданским ассоциациям. Развитие структур социального государства не исключает развитие частно-рыночного сектора, хотя и вводит его в некие ограничительные рамки. Кроме того, важно иметь в виду, что рыночная экономика по своей природе может функционировать и развиваться только в контексте мировой экономики и глобальных экономических связей. Поэтому важно добиться снятия экономических санкций с Российской Федерации и полноценного возврата на европейские рынки. В дальнейшем необходимо переориентировать расходы федерального и региональных бюджетов с военно-промышленного комплекса на гражданский сектор экономики. И, как уже отмечалось выше, на всех уровнях управления и отраслях экономики необходимо перейти с технологий вертикальной коммуникации на развитие горизонтальных каналов связи и взаимодействие между регионами, организациями и гражданами, что позволит оптимизировать профессионально-территориальную мобильность и создаст предпосылки для становления современного уровня интеграции и единства российского общества.

Список источников

1. Россиянам стало сложнее «выбиться верх» — доля людей, которым удалось перейти в более высокую доходную группу, в 2022 году упала до минимума за 20 лет // tochno.st : сайт. URL: <https://tochno.st/materials/rossiianam-stalo-sloznee-vybitsia-vverx-dolia-liudei-kotorym-udalos-pereiti-v-bolee-vysokuiu-dokhodnuiu-gruppu-v-2022-godu-upala-do-minimuma-za-20-let?ysclid=mti8zikhns413825268>. Дата публикации: 24.01.2024.
2. История социологии : учебное пособие / А. Н. Елсуков, Г. Н. Соколова, Т. Г. Румянцева, А. А. Грицанов. Минск : Высшая школа, 1993. 381 с.
3. Антошкин В. Н. Общая социология : учебное пособие. Уфа : Уфимский институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова, 2015. 316 с.
4. Гуленко В. В., Тыщенко В. П. Соционика идет в школу Москва : Черная белка, 2010. 280 с. (Библиотека SOCIONICA. Прикладная соционика).
5. Гуленко В. В. Менеджмент слаженной команды: Соционика и социоанализ для руководителей. Новосибирск : РИПЭЛ, 1995. 189 с.
6. Гуленко В. В. Формы мышления // Соционика, ментология и психология личности. 2002. № 4. С. 9–25.
7. Антошкин В. Н. Философские проблемы науки и системная методология : монография. Уфа : Изд-во БГПУ, 2017. 176 с.
8. Станислава Одоевцева. Только 20% россиян признали образование ценностью: «молодая деменция» или «цифровая лень» // MKRU : сайт. <https://www.mk.ru/social/2026/05/15/tolko-20-rossiyan-priznali-obrazovanie-cennostyu-molodaya-demenciya-ili-cifrovaya-len.html?ysclid=mti9yrl6qj249795553/>. Дата публикации: 15.05.2026.
9. Черныш М. Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе : автореферат дис. ... д-ра социол. наук. Москва, 2005. 44 с.
10. Наталия Трушина. Рецессия на пороге // Pressa.ru : сайт. URL: <https://pressa.ru/ru/top10/detail/retsessiya-na-poroge-27151#/>.
11. Toffler A. The Third Wave. N.Y., 1980. 552 p.

References

1. It has become more difficult for Russians to "get ahead" — the share of people who managed to move into a higher income group fell to a 20-year low in 2022. tochno.st: website. (In Russ.). Available from: <https://tochno.st/materials/rossiianam-stalo-sloznee-vybitsia-vverx-dolia-liudei-kotorym-udalos-pereiti-v-bolee-vysokuiu-dokhodnuiu-gruppu-v-2022-godu-upala-do-minimuma-za-20-let?ysclid=mti8zikhns413825268>. Publication date: January 24, 2024.
2. History of Sociology: a textbook / A. N. Elsukov, G. N. Sokolova, T. G. Rumyantseva, A. A. Gritsanov. Minsk: Vysshaya shkola; 1993. 381 p.
3. Antoshkin V. N. General Sociology: a textbook. Ufa: Ufa Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics; 2015. 316 p. (In Russ).
4. Gulenko V. V., Tyshchenko V. P. Socionics goes to school Moscow: Chernaya Belka; 2010. 280 p. (SOCIONICA Library. Applied Socionics). (In Russ).
5. Gulenko V. V. Management of a well-coordinated team: Socionics and socioanalysis for managers. Novosibirsk: RIPEL; 1995. 189 p. (In Russ).
6. Gulenko V. V. Forms of thinking. *Socionika, mentologiya i psixologiya lichnosti = Socionics, Mentology, and Personality Psychology*. 2002;(4):9–25. (In Russ).
7. Antoshkin V. N.. Philosophical problems of science and systems methodology: monograph. Ufa: BSPU Publishing House; 2017. 176 p. (In Russ).
8. Stanislava Odoevtseva. Only 20 % of Russians recognize education as a value: "Young Dementia" or "Digital Laziness". MKRU: website. <https://www.mk.ru/social/2026/05/15/tolko-20-rossiyan-priznali-obrazovanie-cennostyu-molodaya-demenciya-ili-cifrovaya-len.html?ysclid=mti9yrl6qj249795553/>. Publication date: May 15, 2026.
9. Chernysh M. F. Social institutions and mobility in a transforming society: abstract of a doctoral dissertation. Moscow; 2005. 44 p. (In Russ).
10. Natalia Trushina. Recession on the threshold. Pressa.ru: website. (In Russ.). Available from: <https://pressa.ru/ru/top10/detail/retsessiya-na-poroge-27151#/>.
11. Toffler A. The Third Wave. N.Y., 1980. 552 p.

Информация об авторе

В. Н. Антошкин — доктор социологических наук, профессор.

Information about the author

V. N. Antoshkin — Doctor of Science (Sociological), Professor.

Статья поступила в редакцию 24.06.2026; одобрена после рецензирования 23.07.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 24.06.2025; approved after reviewing 23.07.2026; accepted for publication 22.09.2026.